

Первые лучи утреннего солнца озарили Западный город, когда ученики выпускного класса Первой школы уже проснулись.

На дворе чудесная суббота: ярко светит солнце, ласково веет ветерок. Но им приходится ни свет ни заря плестись в школу на дополнительные занятия.

О, горе им!

Однако небеса, по-видимому, не слышали их мольбы, а если и слышали, то не придали значения: небо по-прежнему светлело, а ветер по-хозяйски стучал в окна домов в школьном квартале.

Квартира в ЖК Байхэ.

Цинсюй на цыпочках взяла с прикроватной тумбочки ключи и заодно поправила одеяло на той, кто ещё крепко спала.

После недели военной подготовки Яньнянь вчера рано легла, и Цинсюй не хотелось тревожить её, ведь та так сладко спала. Она двигалась предельно тихо, но даже так девушка на кровати заворочалась, протёрла глаза и сонно пробормотала:

— Доброе...

Цинсюй почувствовала вину за то, что разбудила её, и добавила в голос мягкости:

— Доброе утро, Яньнянь.

— Который час?

Бросив взгляд на белесое небо за окном, Янь Миньюй с трудом разлепила веки, перевернулась и зевнула.

Цинсюй открыла окно, чтобы утренний ветерок помог взбодриться.

— Ещё нет семи. Поспи ещё немного... На кухне есть молоко и хлеб, не забудь позавтракать.

Классная комната.

Учительница, которую ребята за глаза называли Лунный свет, вошла в класс с пачкой грамот. Одно лишь её присутствие заставило шумных учеников мгновенно умолкнуть.

— В прошлом семестре проходил городской конкурс по английской речи, наконец пришли результаты. Первое место — Фан Янь; второе место — Ван Цзюньцзе, Чжан Синь; третье место — У Ло... Ребята, похлопаем победителям!

Класс наполнился аплодисментами.

Стоя на трибуне, Фан Янь, сжимая грамоту, невольно перевела взгляд на парту у окна.

Цинсюй лениво хлопала вместе со всеми. Смотря в сторону трибуны, она словно видела что-то совсем другое. Выражение её лица было спокойным, но в глазах застыла какая-то неизбывная тоска — то ли нежность, то ли чистая печаль. Непостижимо.

О чём она думает?

Этот вопрос возникал всякий раз, стоило Фан Янь взглянуть на неё.

Проходя мимо парты Цинсуй, Фан Янь невольно замедлила шаг. Она чувствовала в Цинсуй странную таинственность, манящую разгадать её, это сочетание отстранённости и доброты всегда будоражило воображение.

Боковым зрением она заметила, что Цинсуй опустила голову и едва заметно улыбнулась. Фан Янь проследила за её взглядом: на черновике было выведено имя Янь. Фан Янь вздрогнула и, не смея задержаться, поспешила на своё место.

Янь? Это фамилия? В классе вроде бы нет никого с такой фамилией. Почему Цинсуй улыбается, когда пишет это? Неужели она влюблена?

Мысли Фан Янь улетели куда-то за окно.

А за окном в небе парили воздушные змеи, словно танцуя с облаками.

— Янь Миньюй?

Низкий голос вернул девушку из мира грёз. Она вздрогнула и вскочила, отчего альбомный лист упал на пол.

— Я здесь, учитель.

— Хм? Чего вскочила? Не витай в облаках, рисуй давай! — мужчина с удивлением посмотрел на неё и жестом велел сесть.

Щёки Янь Миньюй вспыхнули, она неловко кивнула и нагнулась, чтобы подобрать бумагу.

Она на секунду решила, что всё ещё в школе...

Снова взяв кисть и смешивая краски, она увидела на палитре лазурный оттенок и невольно вспомнила Цинсуй.

Сегодня утром Цинсуй как раз была в лазурной рубашке с вышивкой.

Ей невероятно шли холодные тона. Чёрные волосы, собранные в низкий пучок, очки в металлической оправе — всё это придавало ей книжный, утончённый вид. Цинсуй любила рубашки с элементами традиционного стиля, и издавна она напоминала дымку над прудом с лотосами или туманный, поэтичный рисунок тушью на рисовой бумаге.

От неё всегда приятно пахло. Вчера вечером, когда Янь Миньюй вышла из душа, она поскользнулась на влажном полу и по инерции влетела в объятия Цинсуй. Та, застигнутая врасплох, отшатнулась и упала на кровать, инстинктивно притянув Янь Миньюй к себе.

Взгляды встретились.

В нос ударил тонкий аромат — лимон или белый сандал, холодный и свежий. Но объятия были тёплыми и мягкими.

Янь Миньюй почувствовала, как пальцы Цинсуй коснулись её поясницы — по коже пробежала

дрожь, как от лёгкого дуновения ветерка по глади воды. Не успела Цинсюй что-либо сказать, как Янь Миньюй отпрянула, словно её ударило током.

— Я... я просто не удержалась на ногах...

Голос звучал глухо, будто сквозь пелену воды.

Цинсюй кашлянула и отвела взгляд:

— Ничего страшного. Завяжи пояс на пижаме...

А?

Янь Миньюй опустила глаза и увидела, что пояс её пижамы развязался!

Неудивительно, что она так остро всё почувствовала, ведь когда Цинсюй обнимала её, рука... Янь Миньюй пунцово покраснела и поспешно отвернулась, чтобы поправить одежду.

Видимо, её реакция была слишком бурной, потому что за спиной послышался смех.

— Яньянь, ты заставляешь меня чувствовать себя так, будто я домогаюсь маленькой девочки.

Янь Миньюй, до того сгоравшая от стыда, в отчаянии обернулась:

— Сестрёнка...

— Ладно-ладно, не буду тебя дразнить. Спи давай.

Выходные у них были довольно скучными: одна сидела за уроками, другая рисовала. Помимо будней, лишь воскресенье оставалось временем, которое они могли провести вместе.

Глядя на детей, бегających в парке, Янь Миньюй чувствовала белую зависть к их беззаботности. До семи лет она жила в приюте: строгий режим, никакой личной жизни, никого не интересовали её чувства. В такой обстановке понимающие дети получают меньше всего внимания.

Однажды она ради коробки акварельных красок целыми днями помогала старшим по уборке, мыла посуду, копила звёздочки-поощрения. Но когда пришёл день обмена на призы, какой-то мальчик младше её устроил истерику, требуя эти краски, и все вокруг убедили её выбрать что-то другое.

С тех пор Янь Миньюй научилась смиряться. Она боялась просить о чём-то, боялась надеяться. Разочарование — это боль, которую она не могла вынести.

Даже когда приёмная мать забрала её, она долго не решалась выражать свои желания. Хорошо, что мама проявила терпение, заметив её тягу к рисованию, и всегда поддерживала её.

А что до Цинсюй?

Её мать была не слишком внимательна, их отношения были довольно холодными. Но Цинсюй всегда была самостоятельной, в ней чувствовался внутренний стержень. В детстве она была улыбчивым, жизнерадостным ребёнком, все считали её маленьким солнышком.

Если бы не те события...

Хорошо, что Цинсуй не сломалась, хотя и стала куда замкнутее.

Никто не спрашивал, хочет ли она быть такой, но слово «ответственная» приклеилось к ней намертво. Все вокруг восхищались ею: лучший староста, примерная ученица, послушная дочь.

В глазах других она была совершенством. Но сама Цинсуй знала правду.

То, что она со всем справлялась, не значило, что она была такой по натуре. Роли и ярлыки стали невидимыми кандалами, заставляя её быть рассудительной каждую секунду, заранее просчитывать все варианты и выбирать самый лучший.

Гуманитарии обычно эмоциональны, но Цинсуй никогда не шла на поводу у чувств.

Пока не появилась она. Только благодаря ей Цинсуй поняла, что всё её спокойствие — лишь маска. Рядом с ней она могла позволить себе быть импульсивной и даже нарушать правила.

В воскресенье, закончив с тестами, Цинсуй с облегчением отложила ручку. Посмотрев в сторону, она увидела Янь Миньюй, всё ещё склонившуюся над альбомом.

— Яньянь, уже два часа дня. Может, отдохнёшь?

— А, хорошо.

Янь Миньюй закрыла глаза и помассировала виски. Когда рисуешь — не замечаешь, но стоит остановиться, как тут же даёт о себе знать ноющая спина.

— Спина болит? — Цинсуй невольно перевела взгляд на поясницу девушки, едва заметную под тонкой тканью рубашки.

— Немного, наверное, долго сидела.

— Пойдём разомнёмся?

— Давай!

— Хочешь запустить воздушного змея?

Глаза Янь Миньюй загорелись.

— Можно?

— Конечно. Пошли. — Цинсуй помедлила, коснувшись воротника рубашки девушки. — Яньянь, сегодня сильный ветер, может, переоденешься в футболку?

Янь Миньюй удивлённо посмотрела на себя, не видя ничего плохого, но спорить не стала:

— Хорошо, сейчас переоденусь.

В парке было полно детей, бегающих за змеями. Они купили самого простого, неприметного змея.

Янь Минъюй стояла на траве, умело управляясь с леером, заставляя змея плавно парить в воздухе. Но он держался низко, всего в паре метров от неё.

— Почему не отпустишь леску подальше? — Цинсуй подошла и, открыв бутылку воды, напоила её.

— Если отпущу далеко, он улетит, и я его не увижу.

Цинсуй улыбнулась, глядя на то, с какой серьёзностью та держит леску. Ей показалось это очень милым, и она в шутку слегка потянула за нить.

— Разве воздушный змей не для того, чтобы летать как можно выше и дальше?

— Нить может порваться, — упрямо ответила Янь Минъюй. — Мой змей не должен потерять связь со мной.

Цинсуй поняла, насколько хрупка её внутренняя уверенность. Янь Минъюй боялась отпускать что-то от себя, боялась надежд и разочарований, постоянно балансируя на грани неуверенности в себе.

— Яньянь, делай как хочешь, — Цинсуй ласково улыбнулась. — А если порвётся — я свяжу её заново.

<http://bllate.org/book/18854/1838545>